Другое детство

Автор:

Кир Булычев

Другое детство

Кир Булычев

«Я родился на Чистых прудах, и первым моим воспоминанием, которого я не помню, должны быть похороны Кирова. Мама говорила, что меня завернули в красное одеяло и вынесли на Мясницкую. По Мясницкой несли гроб убитого вождя, видно, с вокзала, а Сталин шел впереди, среди своих соратников. Но, повторяю, я его не запомнил, потому что мне не исполнилось еще двух месяцев. Сталин, конечно, меня не заметил. Хотя, может быть, краем глаза и глянул на красное одеяло...»

Кир Булычев

Другое детство

1

Я родился на Чистых прудах, и первым моим воспоминанием, которого я не помню, должны быть похороны Кирова. Мама говорила, что меня завернули в красное одеяло и вынесли на Мясницкую. По Мясницкой несли гроб убитого вождя, видно, с вокзала, а Сталин шел впереди, среди своих соратников. Но, повторяю, я его не запомнил, потому что мне не исполнилось еще двух месяцев. Сталин, конечно, меня не заметил. Хотя, может быть, краем глаза и глянул на красное одеяло.

В следующий раз я увидел Сталина на Ноябрьских в 1945 году, сразу после войны. Отец, который с нами не жил, но мое существование признавал, повел меня на парад. Мы с ним стояли сбоку от Мавзолея, но не очень далеко, потому что папа был почти наркомом. Мне было хорошо видно, как наши вожди поднимались на трибуну и выстраивались в шеренгу, лицом к барьеру, спиной к красной надписи «Ленин». Потом я стал смотреть на танки и самолеты, которые, по три штуки в звене, пролетали над площадью, от Исторического музея к собору Василия Блаженного. Все махали им руками. Я тогда спросил папу, возьмет ли он меня на следующий парад, и он обещал взять.

В тот год мы с Сашей Сулимой увлекались игрой в солдатики. Наверное, в пятом классе поздно играть в солдатики, но наши солдатики были особенными. Отдельно надо было вырезать из трехслойной фанеры туловище с головой, а отдельно – руки и ноги, которые крепились к туловищу проволочками. Так, чтобы они двигались. Если такого солдатика поставить на стол, он не падал. А когда передвигаешь ноги, он шагает. Размером такой солдатик – с перочинный ножик. Солдатики, конечно, отличались друг от друга, у каждого было имя и характер. Но самым интересным было изготавливать для них оружие. Ружья и сабли отливали из олова или свинца. Почему-то у нас было много патронов от мелкашки, и в классе шла широкая торговля порохом и свинцом. Люди, лишенные воображения, просто набивали гильзу порохом, привязывали к шнуру, а к другому его концу крепили гвоздь. Гвоздь вставляли острым концом в гильзу, а потом брались за середину шнура и били с размаху по стенке шляпкой. Получался «бах». Другой пиротехники мы не знали.

Саша делал солдатиков лучше всех.

С вечера мы договорились поменяться. Саша отдаст мне генерала О'Генри, а я ему пушку на свинцовом лафете, сделанную из винтовочной гильзы. Обмен устраивал обе стороны.

Дело было на весенних каникулах, а может, в воскресенье – не помню. Но помню, что выпался и пошел к Сашке часов в девять. Утро было морозным, мартовским, а снег ослепительным на солнце и синим в тени.

У меня были новые ботинки, и я проверял их на непромокаемость. Для этого пришлось нарочно идти по лужам. Вода залилась сверху, я зачерпнул ботинком и поэтому не узнал, промокают они или нет.

Сулима жил на третьем этаже, на самом Гоголевском бульваре, дом был некогда зажиточным, красивым, но пришел в запустение. Лестницу, наверное, не красили с революции, и кое-где краска осыпалась, а в других местах она отвисала лоскутами.

Я беспокоился, не передумал ли Саша. Ведь прошла целая ночь.

К Сулимам было три звонка.

Открыла Лариса Петровна, мать Саши. Отец у него погиб на фронте, еще давно, в начале войны. Так что мы его не помнили.

- Ты чего так рано? - спросила она.

В коридоре пахло кухней и уборной. Коридор был длинный, с обеих сторон в него выходили двери комнат, а уборная замыкала коридор.

- Совсем не рано, - возразил я. - Уже девять часов.

Я не хотел быть невежливым, но я знал, что обычно Лариса уходила на работу в восемь или даже полвосьмого, ей ехать далеко, с пересадками.

Коридор был не очень узким, но темным, и потолок был высоко.

Вдоль всего коридора наверху, под потолком, висели велосипеды. Трудно поверить, но все эти велосипеды принадлежали одному человеку, бывшему чемпиону Москвы по шоссейным гонкам Никите Прузу по прозвищу Лаперуз. Он еще до войны оставил спорт, но с велосипедами расстаться не смог. Вот они и висели. Порой какой-нибудь велосипед, устав висеть, срывался, с грохотом падал на пол и катился своим ходом к входной двери или к уборной. Силикатная выскакивала из комнаты и начинала кричать, что она перепугана до смерти. Я уже года три ходил к Саше Сулиме и знал жильцов его квартиры и даже их отношения. Сам я жил в небольшой квартире из трех комнат. Две были наши, а в третьей жил папин заместитель дядя Саша Соколов. Потом, когда его арестовали, в его комнате стал жить завхоз из МГБ Борис и его жена, толстая Катерина. Они часто ссорились с мамой и грозились ее посадить, а нас с Наташкой отдать в детдом. Раньше, до того как папа ушел к тете Гале и стал

почти наркомом, вся эта квартира принадлежала ему. Но всю ее нам он оставить не мог – кто бы разрешил нам втроем жить в отдельной квартире? Если бы мамин второй муж и мой отчим дядя Яша не погиб на фронте, все могло быть иначе. Дядя Яша стал бы академиком, и у нас была бы отдельная квартира. Но он погиб буквально в последний день войны.

Лариса Петровна пошла впереди.

Я видел, что она недовольна моим приходом.

Это видно было по ее спине.

Но я был не виноват, мы еще вчера договорились.

Сашка завтракал. Он ел котлеты с картошкой. Я сглотнул слюну. У нас дома мяса не было, и утром мы с Наташкой ели овсянку. Я ее и тогда не любил, и сейчас не выношу.

– Я уж решил, что ты передумал, – сказал Сулима.

Я довольно высокий, но Сашка выше меня на пять сантиметров. Он третий в классе по росту.

Пушка была завернута в газету, я поставил ее на стол.

– Ты потише, – сказал Сашка, – там спят.

Он показал на ширму.

У Сашки с Ларисой большая комната с высоким потолком. В ней два окна. Окна выходят на бульвар, и перед ними видны ветки деревьев бульвара.

Я знал, что за ширмой стоял диван, на котором спала Лариса. А Сашка спал на другом диване, слева от двери.

Я удивился и от удивления сказал глупость:

- Ты что! Я твою маму видел. Она мне дверь открывала.

- Там не мама, - ответил Сашка и стал разглядывать пушку, словно от ее состояния зависела судьба сражения.

Я решил, что он шутит. Иначе я бы так не поступил.

Я шагнул к ширме и заглянул за нее.

На диване, под одеялом, лежал незнакомый мне мужчина.

Он не спал. А может, спал, но почувствовал, что я гляжу на него, и открыл глаза.

- Что? - спросил он. - Вставать пора?

- Извините, - сказал я. Мне еще скандала не хватало! - Я не знал, что вы спите, Сашка так сказал, что я подумал, он шутит, понимаете?

- Ты чего туда полез? - Сашка был смущен.

- Убери ширму! - приказал мужчина. - А то мне темно.

Сашка стал помогать мне сложить ширму, а тут пришла Лариса и спросила мужчину:

- Выгнать мальчишек?

- А чего их выгонять? - возразил мужчина. - Они мне не мешают.

Будто он сидел за столом в костюме и галстуке, а не лежал на диване и голая нога не высывалась из-под одеяла.

Я вдруг подумал, что если бы это случилось у нас дома, моя мама умерла бы со стыда. Представляете, у нее мужчина ночевал, а утром он лежит и не стесняется. Он же - Любовник!

Не такой уж я был ребенок, чтобы этого не понимать.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

Лариса принялась накрывать на стол. Для себя и мужчины. Сашка отошел к письменному столу и взял с собой фанеру и пушку.

– Игорем, – сказал я.

– Хорошее имя. Веселое.

У мужчины были черные волосы, и, хоть он был еще молодой, справа в волосах была белая прядь. Седая. Такого я раньше не видел. У мужчины было смуглое лицо, как у цыгана, карие глаза, большой острый нос и губы как будто нарисованные – так дети рисуют улыбку.

– Вставать будешь? – спросила Лариса.

– Обязательно, – сказал мужчина. Как будто хотел от нее избавиться. По крайней мере, мне так показалось. – В солдатики играете? – спросил мужчина у меня.

– Это особенные солдатики, – я оправдывался. – Это как бы модели.

– А еще чем занимаешься в свободное от учебы время?

– Я марки собираю, – сказал я.

Когда с тобой серьезно разговаривают, ты тоже так разговариваешь.

Впрочем, никому на свете не было дела до того, что я собираю. Как-то раз во время визита к отцу я завел было разговор о марках. Я решил, что папина организация получает много писем. И если с них папа будет срывать для меня марки, я сказочно разбогатею.

Папа же слушал мои рассуждения, словно терпеливо ждал, когда я кончу нести чепуху. И тут же спросил, какие у меня отметки по русскому языку. И я больше о

марках с отцом не разговаривал.

- Я тоже когда-то собирал, - сказал мужчина.

- Артем, - недовольным голосом произнесла Лариса. - Надо и меру знать.

- Я во всем знаю меру, - сказал мужчина. - Ты могла в этом убедиться сегодня ночью.

- Артем!

- Сорок лет как Артем.

Он откинул одеяло и уселся на диване.

Он был в одних трусах. А трусы у него были короткие и белые. Я таких раньше не видал. Ведь трусы бывают синими или черными и, конечно, длинными. Тоже мне, подумал я, на таких трусах любую грязь сразу видно.

А ноги у Артема были жилистыми, тонкими и волосатыми.

Меня смущало его спокойствие. Он вел себя так, будто был один в комнате.

Лариса положила рядом с ним халат. Я сразу догадался, что халат остался от Сашкиного отца.

Но Артем не спешил вставать.

- Игорек, - спросил он, - а тебе что-нибудь для твоих марок нужно?

- Иди, вот тебе мыло, - сказала Лариса. - А вот полотенце. Оно чистое.

Артем накинул халат.

- Проводи, - приказал он Ларисе.

Лариса пошла с Артемом в коридор.

- Он вчера в первый раз пришел, - сказал Сашка. - Я его и не видел. Он меня тоже спрашивал. А я ничего не собираю. Он тогда спросил о моей мечте.

- И ты ему про парашют сказал?

- Сказал.

- А ты хочешь, чтобы он всегда у вас жил?

- Конечно, Ларисе тяжело, - сказал Сашка. - Совсем одна, а зарплата небольшая.

Сашка вздохнул.

Потом Сашка начал набивать пушку серой со спичек.

В коридоре раздался грохот.

- Ну вот, - сказал Сашка.

- Велосипед? - спросил я.

Сашка пошел к двери, выглянул в коридор.

Там уже начался шум, и Лаперуз кричал Ларисе, что к ней ходит кто ни попадя.

Сашка успел выглянуть, а я опоздал и не видел, как Артем звезданул Лаперуза в челюсть.

Потом они пришли, и Лариса всех напоила чаем. Меня тоже позвали за стол.

А Лаперуз буйствовал в коридоре и кричал у двери, что он сейчас вызовет милицию, потому что Лариса пускает на ночь бандитов без прописки.

- Скажи, - спросил меня Артем, - а что тебе надо для твоей коллекции?

У меня была одна мечта. Но совершенно недостижимая.

У Фимки Королева, который жил в цековском доме на Староконюшенном, был кляссер, который отец привез ему из Германии. Трофейный кляссер. Это была новая вещь для наших коллекционеров. Представляете себе - альбом для марок, но листы в нем картонные, довольно толстые. А на листы нижними краями наклеены полоски из папиросной бумаги, и ты можешь засовывать марки в эти полоски. Вот такой альбом назывался кляссером. О кляссере я мечтал целый год.

- Мне нужен кляссер, - сказал я Артему.

- Сделаем, - сказал Артем. - Только, честно говоря, мне это слово незнакомо. Что-то немецкое, правильно?

Я стал объяснять Артему, что такое кляссер.

Лариса стала убирать со стола, и, когда она приблизилась к Артему, он обхватил ее за бедра. Лариса не стала вырываться, а только сказала: «Я тебе не сноп колосьев». И засмеялась.

Я перестал рассказывать и обиделся на Артема, потому что решил, что он на самом деле меня не слушает и, как все взрослые, ведет со мной беседу, а мысли заняты совсем другим. А кончит разговор - сразу забудет о моем существовании.

Лариса Петровна велела Артему идти одеваться, они куда-то собирались уходить.

Сашка сказал мне, что Артем работает в типографии.

Мы немного поиграли с Сашкой. Лариса с Артемом ушли.

Сашка сказал:

- Не женится он на матери. Слишком она легкодоступна. И что ей - со мной плохо?

А мама говорит, что для моего воспитания в доме нужен мужчина.

Но к моей маме не ходят такие мужчины, как Артем. Моя мама не такая красивая, как Лариса. Будь я постарше, сам бы на ней женился, чтобы любоваться. Но никогда бы не позволил себе вести себя так нахально, как Артем. Но мы с ним совершенно разные люди.

Конечно, я ждал следующего воскресенья.

Я не надеялся, что Артем выполнит свое обещание, потому что взрослые, как правило, об обещаниях детям не помнят. К тому же Артем мог разлюбить Ларису. Но все равно я ждал воскресенья. А Сашка забыл о моем разговоре с Артемом. Он готовился стать парашютистом.

Я сам напросился к нему в гости.

Я решил пожертвовать значком парашютиста с подвеской «100», за сто прыжков. У меня этот значок давно лежал, Сашка его выцыганивал, но я не отдавал, а тут отдал совсем ни за что и еще сказал, что сам принесу.

Это чуть меня не погубило. Сашка в субботу сказал после уроков, что забежит ко мне, чтобы взять значок, ему не терпелось его получить. Хорошо еще, я нашелся и ответил, что иду не домой, мать велела сходить в прачечную.

В воскресенье я пришел к Сулиме в девять.

Сашка сам открыл, и мы прошли в комнату.

За ширмой было тихо.

Я отдал Сашке значок.

– А ты не сказал, чего хочешь, – спросил Сашка.

Я кивнул, а сам слушал – есть кто-нибудь за ширмой или нет. Там все еще было тихо. Я уж готов был спросить у Сашки про Артема, но бывает же везение. Из-за

ширмы слышался хриплый мужской голос:

– Кто к нам пришел! Ушам своим не верю.

Артем отодвинул ширму и вышел к нам в одних трусах.

– Я думал, что ты забыл, – сказал он.

– Нет, не забыл, – ответил я.

Приближение к счастью – процедура из многих ступенек. На одну поднялся, и тебя охватывает страх, а есть ли еще одна ступенька? А вдруг там обрыв?

Это сегодня, вспоминая тот год, я могу анализировать свои чувства. А тогда я просто мучился от желания ускорить бег времени.

Но в следующее воскресенье Артем не пришел. Я все глядел на ширму, потом пришла злая Лариса, сложила ее, а диван за ней оказался уже убран, наверное, Лариса спала на нем одна.

Я не выдержал, спросил Сашку, а он ответил:

– Слава богу, перестал к нам ходить. А то они мне спать не давали: то целуются, то обнимаются, то шепчутся. А я разве не слышу? Я такого наслушался, как в публичном доме!

Я в публичном доме не бывал, хотя знал, что такое существует. Не у нас, а у них.

– Значит, накрылся мой кляссер большой шляпой, – сказал я.

И стал собираться домой.

А Сашка дождался, пока я оденусь – все-таки подловатый парень, – и сказал, как бы невзначай:

– Возьми, тебе от Артема пакет. Он, когда в последний раз был, просил тебе передать.

И я уже знал, что в пакете кляссер.

Я даже не рассердился на Сашку. Ведь его надо понять – Артем его маму обманул. Наверное, обещал на ней жениться, а сам перестал к ней приходить.

Я сказал Сашке спасибо и пошел домой.

Но далеко не отошел, а выбежал на бульвар. Нашел высохшую лавочку, сел и развернул пакет.

Это был кляссер-мечта, лучше, чем у Фимки Королева. Полоски ровные, все сделано на фабрике.

Перед первой страницей был вложен листок бумаги, отпечатанный в типографии, как газета.

На нем было написано:

Вниманию владельца!

При закладке почтовой марки в кляссер рядом с ней образуется копия данной марки. Число копий – 1 одновременно. Общее число копий – 20 (двадцать). Кляссер содержать в сухом, прохладном месте, беречь от прямого воздействия солнечных лучей.

Я ничего не понял, да и не стал задумываться.

Я снова завернул кляссер в бумагу и побежал домой.

Дома никого не было.

Я достал свои марки, которые лежали в коробке от «Казбека», и решил переложить их в кляссер.

Я выбрал сначала самую ценную из моих марок – Зоя Космодемьянская перед лицом фашистских захватчиков.

Я вставил ее в классер.

Есть такая песня про броненосец «Потемкин». Там у кочегара в глазах помутилось.

Вот это случилось и со мной.

Потому что марка задрожала, на какое-то мгновение исчезла, и вместо нее я увидел лужицу воды, которая отражала свет неба за окном.

Я даже зажмурился и пропустил тот момент, когда Мурзик вскочил на стол и стал лапой трогать край классера.

– Пошел отсюда! – рассердился я. – Тебя не звали.

Мурзик осел на задние лапы, растерялся. Он, видно, почуял в моем голосе злость и строгость.

Я перевел взгляд на классер.

В классере рядышком лежали две совершенно одинаковые марки с портретиком Зои Космодемьянской в овале. У обеих не было одного зубца справа внизу.

– Ничего себе дела! – сказал я.

А Мурзик почему-то широко зевнул. И я увидел розовый кошачий язычок.

– Это же копирка, – сказал я Мурзику.

Мурзик спрыгнул со стола и пошел в угол, к миске. Когда он чего-нибудь пугался, у него всегда прорезался аппетит.

Я вытащил обе марки из кляссера и перевернул их. Они и с обратной стороны были совсем одинаковыми. На обеих были наклейки.

Наверное, Артем решил подшутить надо мной... Нет, тогда в кляссере не было бы вкладки. Он где-то купил кляссер с копирками, значит, их у нас теперь тоже выпускают.

Я решил провести опыт.

Вставил обе марки в кляссер, но моя хитрость не удалась. Получились не четыре марки, а только три. Видно, размножалась только первая марка. А новая размножаться не могла.

Тут я решил, что мне уже достаточно марок с Зоей Космодемьянской, и удвоил марку «Будь героем». Получилось.

Можно было бы размножить все мои марки, всю коробку, но что-то меня остановило.

Я перечитал надпись на вкладке. Правильно – удваивать можно только двадцать раз.

А я уже три раза использовал.

И тогда мне пришла в голову хорошая мысль. Я же могу таких ценных марок наменять! Надо пойти к Фимке Королеву. У него коллекция настоящая, в трех альбомах и немецком кляссере. Ему отец привозит.

Я позвонил Фиме, но, оказывается, он уехал на дачу. У Фимки была настоящая дача в Кратове. Там на участке росли голубые елки, они их специально выращивали для Красной площади. Их вывозили к Мавзолею, и отцу Королева за это платили бешеные деньги. Сулима говорил, что Помидор все врет, но Сулима его не любил, а я с ним был в нормальных отношениях, потому что мы оба собирали марки.

Воскресенье тянулось медленно и тоскливо. Главное для меня было удержаться и не использовать кляссер раньше времени. Но ведь очень хотелось еще разок

попробовать с марками. Или с другими картинками.

Я вставлял в классер открытки, трамвайные билеты и просто бумажки, но классер был неглупый. Он отказывался копировать что ни попадя.

А с марками получалось.

Потом пришли мама с Наташкой. Они ходили к зубному, потому что Наташке поставили шину – стальные накладки на передние зубы, чтобы они не торчали изо рта. Так себе картинка.

Я еле дождался, пока мама с Наташкой разденутся, и повел их к классеру.

– Смотрите внимательно! – сказал я. – Фокус-покус номер один!

– Откуда ты достал такой альбом? – спросила мама.

Мама всегда была усталой, и ее мало интересовали фокусы. Мне было обидно, когда, вернувшись из школы, я начинал рассказывать о каком-нибудь невероятном событии, например, как Ленька Седов зафигачил тапочкой из окна в канадское посольство, а она отвечала:

– Ты опять руки не вымыл?

– Наташка! – взмолился я. – Посмотри, какой фокус.

– У меня зубы болят, – ответила невнятно Наташка. Ну ей еще простительно, ей семь лет, но мама могла бы поинтересоваться. Я иногда сомневался, любит ли она меня. Ведь бывают же матери – родить родила, может, отец попросил, а потом пожалела и теперь ждет, чтобы я заболел и умер в страшных мучениях. Хотя нет, лучше пусть я умру внезапно, чтобы маме не возиться со мной. Пускай спохватится, когда я буду лежать в гробу, довольно красивый, очень бледный, и все будут спрашивать: почему этот юноша убил себя? «Нет, – будет отвечать Лариса Петровна, которая поедет со мной на кладбище вместо мамы, – у него разорвалось сердце от бесконечных несправедливостей, которым он подвергался в родном доме».

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/kir-bulychev/drugoe-detstvo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)